

УДК 94(47).084.2+94(470)

А. В. Трофимов

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СМЕНА МИФОЛОГЕМ

В статье рассматривается взаимосвязь исторической политики с эволюцией мифологических представлений о Революции 1917 г. в научно-образовательном пространстве и общественном сознании современной России, а также некоторые аспекты исторической мифологии, существующие в границах «советского», «антисоветского», «постсоветского» дискурсов о Революции 1917 г. в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Революция 1917 г., историческая мифология, общественные представления.

Историческая мифология во все времена и во всех государствах является неизбежным следствием их существования и развития. Под мифами и мифологией сегодня понимают один из древнейших, опробованных временем типов социального кодирования, свойственных не только традиционному обществу, но и всем этапам развития человеческой цивилизации. Посредством исторической мифологии формируются идентификационные параметры социума, утверждаются культурные ценности, защищаются экономические интересы, транслируются социокультурные смыслы, распространяются идеи. При этом необходимо осознавать, почему те или иные мифологические конструкции востребованы в определенное время, и какую «идеологическую» нагрузку они несут, какие стереотипы восприятия создают и насколько соотносятся с историческими реалиями.

Мифы и историческая мифология нацелены на решение нескольких задач: самоидентификации общества (или нации) в мире, его отождествления с той или иной культурной, этнической или политической традицией; прогнозирования модели будущего нации путем выстраивания сюжета, по которому развиваются исторические события и воедино связываются прошлое, настоящее и будущее; ведения борьбы различных общественных и политических групп, направленной на утверждение собственной системы ценностей и дискредитации противников; исторические мифы часто используются властями для управления обществом, а смена мифологических моделей направляет массовое сознание в нужное в данный момент русло.

Скоординированные усилия в сфере исторического мифотворчества получили название «историческая политика», под которой понимают «непрерывное стимулирование обсуждения прошлого посредством различных форм его институционализации» [Траба]. Историческая политика многоаспектна, но основной ее тезис таков: «мы не можем оставить историю историкам, и память должна оставаться живой субстанцией любой политики» [Там же]. «Политика памяти – это любые намеренные и формально легитимные действия политиков и чиновников, которые направлены на укрепление, удаление или преодоление отдельных фрагментов общественной памяти» [Там же]. В современном глобальном мире историческая политика является важнейшим инструментом информационных войн.

К методам исторической политики относят, во-первых, создание специальных институтов, используемых для насаждения определенных трактовок прошлого, выгодных той или иной политической силе; во-вторых, политическое вмешательство в деятельность средств массовой информации; в-третьих, манипуляцию архивами; в-четвертых, разработку и использование новых мер контроля за деятельностью историков; в-пятых, политическое вмешательство в содержание учебников и программ преподавания. Общее для всех этих методов – использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты [см.: Историческая политика..., с. 17–19].

В современной России исторические мифы не только возродились и, как идеология в советское время, отвлекают от приближения к подлинной истории, но и образовали странные смещения дореволюционных, советских и постсоветских мифов. Они выполняют, как отмечает Г. А. Бордюгов [см.: Бордюгов, б], в первую очередь, функции поддержки, идентичности, ориентации, а также защиты и размежевания. Мифы способны смягчать удары кризисов, позволяют справляться со всеми противоречиями и сложностями реформ. Причем, как заметил Б. Н. Миронов [см.: Миронов, 2000], большинство мифов о России, как это ни парадоксально, не поднимает, а несправедливо унижает наше национальное достоинство. Он приводит некоторые из них: Россия была типичной колониальной империей, угнетавшей народы, входившие в ее состав; российское общество было закрытым; русские не знали самоуправления; крепостное право блокировало социально-экономическое развитие страны; в России правили не законы, а люди; государство и бюрократия не заботились об обществе и народе; все или почти все реформы были

несостоятельными; самодержавие в XVIII – начале XX в. являлось институтом, который мешал развитию страны; в судах царил произвол.

В Советском Союзе формирование представлений о феномене Революции 1917 г. происходило в русле государственной «исторической политики», важнейшим элементом которой являлось создание и поддержание в общественном сознании определенных мифологем. Причем, каждое десятилетие (юбилей Октября) использовалось как для легитимации российских революций, так и для мобилизации общества на быстрое продвижение к «светлому будущему». Так, первый десятилетний юбилей революции ознаменовался принятием первого пятилетнего плана, позволившего форсированно осуществить индустриальную модернизацию и изменить социальную структуру общества. 1937 г. стал временем массовых политических репрессий, смены элитного слоя, ликвидации «элементов», которые нарушали политическую и социальную однородность, «тормозили» процесс построения социализма. Впоследствии, сверяясь с «заветами» Октября, принималась новая Программа партии, провозгласившая построение коммунистического общества в обозримом будущем, происходил прорыв страны в космос, проводились «косыгинские» реформы, призванные кардинально поднять эффективность экономики страны, декларировались переход к общенародному государству, создание «новой исторической общности “советский народ”», построение «развитого социализма», «ускорение» и «перестройка». Юбилейные даты служили не только «духоподъемными» поводами, но и сопровождались размышлениями о причинах отклонений от первоначальных замыслов творцов революции, указанием на конкретное лицо или группу лиц, виноватых в этом [см.: Бордюгов, а].

В образовательном пространстве, при объяснении советского периода истории, феномен Революции 1917 г. также был в центре создания и разоблачения мифологических построений. В советском мифологическом «гранд-нарративе» логически скреплены представления о «царской России – тюрьме народов», закономерности происхождения революции, наличии предпосылок социалистической революции в России, о том, что «Россия – слабое звено в цепи империализма», в ней к началу 1917 г. существовал политический кризис, грозивший в любое время вылиться во всенародное восстание. Первая мировая война ускорила назревание революции. Хозяйственная разруха достигла катастрофических масштабов. Чаша народного терпения переполнилась. Произошел подъем народной борьбы, в котором большую роль сыграли большевики. Царизм и буржуазия стремились предотвратить революцию, но не смогли. В мифоло-

гический событийно-понятийный ряд входили: революционная ситуация, буржуазно-демократическая революция, образование Советов, двоевластие, кризисы Временного правительства, большевизация Советов, нарастание общенациональной катастрофы, подготовка большевиками вооруженного восстания, Второй Всероссийский съезд Советов, образование Советского правительства, социалистическая революция. Ключевая установка советского мифа о феномене 1917 г.: «Октябрьская социалистическая революция явилась закономерным результатом всего предшествующего развития нашей страны, всего мирового исторического процесса» [Берхин, с. 134].

Исследователи отмечают, что Октябрьская революция служила мерилom истинности политической практики, при этом изначально выступала как главный советский миф, который невозможно проверить, но нужно принять. В общественном сознании Октябрьская революция была антитезой антикоммунизма [см.: Елисеева].

В 1990-е гг. «историческая политика» Российского государства способствовала утверждению в образовательном пространстве плюрализма (появились десятки учебников по истории). Акцент в объяснении исторических событий и явлений смещался на личность учителя-преподавателя, не свободного от политико-идеологических пристрастий. Концептуальное многоголосие современной историографии способствовало тому, что в процессе обучения формировались полярные («советские» – «анти-советские») мифологические представления о феномене 1917 г.: от «Великого Октября», «Великой российской революции» до «Второй Смуты» и «цивилизационной катастрофы». При этом обозначилась тенденция оскудения фактического запаса знаний у учащейся молодежи, размывания понимания конкретно-исторического содержания происходивших в 1917 г. событий. Автор многочисленных учебников по истории России А. А. Данилов полагает, что, отвечая на вопрос о том, является ли Революция 1917 г. или даже взятый отдельно Октябрь 1917 г. главным событием XX в., учащиеся сегодня чаще всего говорят так: да, 1917 г. был важным перепутьем не только в истории XX в., но и в нашей более чем 1150-летней истории. Но это было и время несбывшихся надежд, и обманутых общественных ожиданий [см.: Данилов, с. 116]. Такая оценка известного историка – скорее тоже своеобразный миф, призванный подтвердить эффективность существующего механизма трансляции исторических знаний. В реальности, в историческом сознании (или его суррогатных формах) значительной части современной молодежи существуют не связанные фрагменты и смутные представления о том, что же произошло

в России в 1917 г. Очевидно, что учебная литература не является сегодня достаточно релевантным источником формирования исторических представлений. Потоки мифологических откровений и «альтернативной» истории создают информационный шум, в котором порой теряются сигналы, идущие из образовательного пространства. Так, результаты исследования ВЦИОМ, проведенного в связи со 100-летием Революции 1917 г., показывают: только 11 % россиян знают, что большевики в октябре 1917 г. свергли Временное правительство (а не царя) [см.: Россияне путаются...].

При обращении к вопросу о причинах революции, ее исторической обусловленности выстраиваются различные мифологические конструкции. В современной публицистике, телевизионных передачах, на многих интернет-ресурсах причины революции в России нередко излагаются в духе теории заговора, активно эксплуатируется тема немецких или англо-американских денег, якобы сыгравших решающую роль в приходе большевиков к власти, события в Петрограде осенью 1917 г., которые, по выражению Дж. Рида, «потрясли мир», называются «октябрьским» или «большевицким» переворотом и т. п. [см.: Сыч, с. 108]. В художественных сериалах («Троцкий», «Демон революции»), вышедших на федеральных телеканалах в год столетия Революции 1917 г., ключевыми историческими фигурами являются Парвус, Ленин, Троцкий, выполняющие «внешний заказ» по развалу Российской империи. В медийном пространстве на смену «романтизации» исторических персоналий революционной эпохи, присущей «советскому» дискурсу, пришла их «карикатуризация» и «дьяволизация», что вполне созвучно популярным в начале XXI в. представлениям о необходимости ручного управления со стороны сильного лидера. Не менее популярны интерпретации исторических процессов, сводящие объяснения истоков Февральской революции к заговорщической деятельности масонов, а Октябрьского переворота – к заговорщической деятельности большевиков.

Причем, в определенной мере такие суждения коррелируются с дискуссиями, которые ведут профессиональные историки. Некоторые исследователи отрицают исторические закономерности, не видят причинно-следственные связи, сводя исторический процесс к хаосу и господству случая. Для М. А. Давыдова Революция 1917 г. – «трагическая случайность» [см.: Давыдов, с. 992]. Б. Н. Миронов считает, что «никакой объективной неизбежности и неотвратимости русской революции 1917 г. не существовало», называет Первую мировую войну главным фактором падения самодержавия в стране и роста социального расслоения, толкающего людей в революцию, подчеркивает, что конфликт традиции

и современности не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее возможность, ставшую реальностью в силу обстоятельств – трудностей военного времени и борьбы за власть между оппозицией и монархией [см.: Миронов, 2013, с. 113].

По мнению В. В. Согрина, Февральская и Октябрьская революции 1917 г. в России были исторически обусловлены. Февраль не смог решить задач, отвечавших чаяниям революционного народа, в первую очередь крестьянства, обратившегося, вопреки позиции Временного правительства, к самочинным захватам господской земли и присвоившего к кануну Октября 90 % дворянских угодий. Октябрь поддержал эту революцию низов. Большевики оказались более восприимчивы к чаяниям народа, и Октябрь вывел революцию на социалистический путь. В. К. Шацкило убежден, что Первая мировая война хотя и обострила существовавшие в стране социальные и экономические противоречия, но не была первопричиной русской революции. Ситуация, схожая с российской, а во многом и хуже, существовала в ведущих странах Антанты и у центральных держав, но им удалось при помощи адекватной политики не допустить революционного взрыва в своих странах. Царизм рухнул не в силу отдельных причин, связанных с перенапряжением в годы войны, а потому что к началу 1917 г. полусамодержавный строй безнадежно устарел и не мог решить ни одной из важнейших стоящих перед Россией проблем [см.: Русская революция..., с. 34, 41].

Главной причиной революции С. А. Нефедов называет мальтузианский кризис. Поскольку увеличение численности населения приводило к дроблению крестьянских наделов и уменьшению потребления до полуголодного уровня, то следствием явилась череда крестьянских восстаний, завершившаяся восстанием крестьян-солдат в Петрограде в феврале 1917 г. Он использует сведения о многочисленных крестьянских бунтах начала XX в., причиной которых был голод вследствие непропорционального распределения земли и доходов от экспорта продукции российского сельского хозяйства – так называемый голодный экспорт [см.: Нефедов].

Выявляя различные аспекты влияния революции на развитие России и мира, исследователи отмечают, что она выросла из объективной логики кризиса мировой системы капиталистического общества в капиталистической оболочке (Ю. А. Красин); «оказала огромное позитивное влияние на все последующее развитие страны, мира» [1917 год: круглый стол... Данилов]; «дала старт абсолютному большинству нынешних устоев в экономической, политической, правовой, культурной и идейной сферах... ее можно назвать первой революцией, опиравшейся на силу

новых коммуникативно-информационных технологий... Именно в революционном 1917 г. было положено начало окончательной делегитимации монархического строя, а также, как следствие, уничтожались правовые опоры сословного общества» [Яковенко]; в ней «сошлось и смешалось все – масса неразрешенных социальных, политических, экономических, национальных проблем: российский опыт народных движений и бунтов; ничему не обучающаяся власть; коммунистическая идеология как прямое следствие европейского Просвещения и как прямая причина последующего авторитарного режима; огромные жертвы на алтарь Гражданской войны, коллективизации и индустриализации; обезбоживание рука об руку с обожествлением» [см.: 1917 год: круглый стол... Кардамонов]; «революция глубоко трансформировала Россию и в социальноэкономическом, и в политическом смысле. Цена этой трансформации огромна, больше, чем это было с другими революциями. Одним из последствий этой революции было установление нового типа диктатуры – первой тоталитарной диктатуры в истории. Идеологическая природа Советского государства (обещание победы коммунизма во всем мире) изменила природу международных отношений, придав им характер конфронтации между резко различавшимися проектами будущего мира» [1917 год: круглый стол...].

Процеируя опыт 1917 г. на историю России XX – начала XXI в., А. Н. Медушевский видит специфику Русской революции по сравнению с классическими европейскими в попытке единовременного решения трех проблем – перехода к демократии (гражданскому обществу), правовому государству и новому национально-территориальному устройству (федерализм). Эти три направления трансформации, соединенные в узком периоде времени и проходившие в экстремальных условиях Первой мировой войны, вступали в конфликт друг с другом и завершились коллапсом демократической системы, контуры которой начали оформляться в ходе Февральской революции. Он полагает, что большинство актуальных проблем постсоветского общества коренятся в нереализованности объективных целей Русской революции. *Во-первых*, она не решила проблему национальной идентичности и формирования гражданской нации. *Во-вторых*, революция, уничтожив формы частного права, насаждавшиеся в имперский период по образцу западных стран, не только не создала гарантий частной собственности как основы рыночной экономики, но и уничтожила созданные ранее. *В-третьих*, не было создано гражданское общество современного типа. Напротив, произошла ретрадиционализация общества, возвращение его в аморфное (атомизированное) состояние, деградация начал европейской культуры, подавление личности

(это видно на уровне как правовых понятий, так и русского языка, наиболее четко отразившего примитивизацию и огрубление общественного сознания). Секрет быстрого успеха большевистской революции заключается в том, что ее идеология соответствовала массовому сознанию доиндустриальной эпохи, причем распространение революции останавливалось именно там, где сознание было другим (это видно географически) [см.: Медушевский].

Изучая общество и революционные процессы, отмечает В. В. Дамье, необходимо «исходить не из того, кто стоял у власти и чего он хотел, а из того, что происходило “внизу”, что непосредственно делали живые люди и какие социальные процессы происходили... Те социальные преобразования, что осуществлялись непосредственно массами “снизу” и которые допустимо оценить как социалистические (создание институтов общественного самоуправления – Советов, рабочий контроль над предприятиями и рабочее управление ими, “общинная революция”, т. е. захват земли крестьянскими общинами, домовое и квартальное самоуправление и т. д.), развернулись отнюдь не в Октябре по приказу большевистского правительства. Они начались вскоре после Февраля “снизу” и в основном стихийно. Октябрь во многом стал их результатом и, в свою очередь, придал им дальнейший импульс. Такая низовая революционная инициатива уже с начала 1918 г. “гасилась” новыми большевистскими властями, но местами прoderжалась именно до 1921 г.» [цит. по: Русская революция..., с. 38–39]. Исследователь постулирует, что как социальная революция она потерпела поражение. Многие городские рабочие скоро осознали глубокое противоречие между своими самоуправленческими чаяниями и большевистской государственной централизацией. А сама история Великой российской революции 1917–1921 гг. не сводилась только к борьбе красных и белых или центра с периферией. В ходе нее происходил гигантский подъем массовых независимых социальных движений, эти движения, выдвигавшие радикальные требования, направленные по существу на углубление социального характера революции, подавлялись и белыми, и красными, и национальными властями «окраин» [см.: Русская революция..., с. 38–39].

В русле осмысления исторического опыта XX в. активизировалось изучение «красного», советского проекта, реализация которого началась в 1917 г. По мнению Л. Н. Мазур [см.: Мазур, с. 25], возникший в ходе революции 1917 г. советский проект «социалистического строительства», создания «идеального» общества, опирающийся на утопические представления о коммунизме, натолкнулся на объективные препятствия (естест-

венные границы) и в 1920–1930-е гг. неоднократно менялся, пытаясь приспособиться к внутренним закономерностям конструируемых социальных объектов и их системным характеристикам. Итоговую советскую модель общества автор рассматривает как компромиссный вариант, основанный на новом соотношении идей, стратегических и тактических целей, положенных в основу коммунистического проекта.

В контексте рассуждений о «закономерности» или «случайности» революции обратим внимание на позицию И. Г. Яковенко [см.: Яковенко], полагающего, что случайных революций не бывает, поскольку процессы, в которых участвуют миллионы людей, неизбежны и закономерны. Это объективный исторический процесс. При всей трагичности революций они принципиально неустраимы. В революциях находит свое разрешение конфликт между устойчивым структурным началом любого общества и универсальным императивом изменения. Ответственность за революции в большей степени лежит на элитах, которые располагают интеллектуальными и организационными ресурсами для понимания реальности, постижения логики истории и формирования вменяемой политики, но не обнаруживают способности перешагнуть идеологические барьеры и пожертвовать малым, чтобы спасти многое. И в меньшей степени – на широких народных массах, которые однажды отказываются терпеть и сметаю «старый порядок».

По мнению И. К. Пантина, появилось целое направление ниспровергателей и обличителей Октябрьской революции [см.: Пантин]. Для них она – проявление «бесовщины», «выплеск первобытных варварских сил», «позорное пятно в российской истории» и т. п. Разумеется, в стране, прошедшей школу трех революций, не просто прославлять революцию и энергию масс, силой сломавшую старый порядок, тем более восхвалять сталинский режим, где насилие государства по отношению к народу было возведено в норму. Но критикуя эту практику, подчеркивает автор, нельзя не видеть, что в революции наш народ впервые в своей истории обрел субъектность – качество, без которого России было бы невозможно справиться с драматическими вызовами современности. И пусть самостоятельная воля народных масс оборачивалась насилием, подавить которое было под силу только якобинской организации, необходимой для успеха этой самостоятельности, именно субъектность масс, созданная революцией, позволила нашей стране сделать гигантский исторический рывок и позже выстоять в борьбе с фашизмом.

Об устойчивости мифологем при обращении граждан России к образу Революции 1917 г. свидетельствуют данные социологических

опросов. Соцопросы, проведенные Левада-Центром, показывают, что в 1990 г. 49 % респондентов полагали, что Октябрьская революция открыла новую эру в истории народов России и дала импульс их социальному и экономическому развитию, в 2005 г. такого мнения придерживались 58 %, в 2011 г. – более 50 % россиян. Такая позиция характерна для респондентов старше 55 лет, служащих и специалистов с низким и средним уровнем доходов. Для 40 % опрошенных в 1990 г. революция являлась катастрофой, затормозившей развитие народов России, в 2005 г. эта доля составляла 31 %. В 2017 г. 69 % россиян высказали мнение, что Октябрьская революция нанесла серьезный урон религии и Церкви, а также русскому крестьянству (48 %) и русской культуре (49 %). 34 % респондентов считают, что «России нужно двигаться вперед и не ворошить то, что происходило в 1917 году», а 44 % – что «нужно знать об этом периоде больше, чтобы не повторять ошибок прошлого». Еще 20 % уверены, что «изучение прошлого не приносит вреда, но в нынешней ситуации это не отвечает потребностям времени». Если бы Октябрьская революция происходила на их глазах, 33 % респондентов постарались бы переждать это время, не участвуя в событиях, а 14 % уехали бы за рубеж. При этом 28 % сказали, что поддержали бы большевиков, 8%, наоборот, боролись бы против них. Отвечая на вопрос, какой из деятелей времен революции вызывает у них наибольшую симпатию, 26 % респондентов назвали Владимира Ленина, 24 % – Иосифа Сталина, 16 % – Феликса Дзержинского, 10 % – Александра Колчака. Большинство россиян (59%) уверены, что в нынешней России невозможно повторение событий, подобных тем, которые произошли в 1917 г. Противоположного мнения придерживаются 28 % опрошенных, затруднились ответить 14 % [см.: Что принесла Октябрьская...; Ноябрьские праздники...; Неутешительные итоги...].

В ходе опроса ВЦИОМ в сентябре 2017 г. лишь 9 % смогли назвать годы Русско-японской войны (1904–1905), 7 % – Гражданской войны (1917–1922), почти 90 % респондентов полагают, что большевики свергли царя [см.: История страны].

В общественном сознании современной России представления о феномене 1917 г. сложились и сосуществуют в границах «советского», «антисоветского», «постсоветского» дискурсов, каждый из которых использует свои мифологемы. В «советский» дискурс встроено признание исторической правоты революции и революционеров и презумпции и виновности защитников старого режима. Для «антисоветского» дискурса характерна презумпция виновности заговорщиков-революционеров и сожаление о «России, которую мы потеряли».

Анализируя юбилейные тенденции (2017 г.) в освещении феномена 1917 г. исследователи [см.: Андреев, Бордюгов] отмечают, что актуализация исторического опыта революции связана с поиском общих мест в исторической памяти для примирения российского социума. Для этого необходимо «объединение исторического сообщества на основе общих подходов к предстоящей годовщине», путем достижения большей исторической объективности в освещении событий столетней давности. В современных публикациях подчеркивается органичность революционных событий 1917 г. историческому пути России, особенностям ее цивилизационного развития, говорится о Великой Российской Революции как об едином процессе, захватившем продолжительный период времени, подчеркивается, что без 1917 г. не было бы «грандиозного исторического проекта», в результате которого «было создано мощное государство, ставшее преемником исторической России, организатором своеобразной модернизации» [Там же]. Обострилось общественное внимание к вопросам цены великого социального эксперимента, его преждевременности, способности модели государственного устройства, созданной после распада СССР, конкурировать с советским проектом.

На форуме ученых-гуманитариев «Социокультурная и эстетическая рефлексия Октябрьской революции 1917 г.» Е. Чернышева отметила, что «в год столетия революции ее отголоски находят все новые и новые формы актуализации в обществе и культуре, несмотря на глобальные исторические изменения, происшедшие за это время. Память о революции важна и как предостережение, и как урок, и как опыт невиданных социально-культурных практик... Важно помнить и энтузиазм масс, и трагедии “осевого времени”, обратившись к периоду в истории человечества, во время которого на смену мифологическому пришло рациональное мировоззрение, сформировавшее сегодняшний тип человека. Она напомнила, что революция привела к созданию выдающихся произведений искусства, раскрепощению женщин, проведению образовательных реформ [см.: Событиям Октябрьской...].

В то же время в современной историографии акцентируется внимание на трагических последствиях 1917 г. для российской цивилизации, отмечается, что в ходе революции «Русская православная церковь, хребет русской государственности, была уничтожена как класс», при этом «били не по священникам, а по церкви как по институту государственной власти» [Там же].

Еще одна тенденция – попытки извлечения исторического опыта, поиск исторических параллелей между 1917 и 1991 гг. Констатируется,

что Россия в XX в. исчерпала «лимит на революции» и вместе с тем выражается сомнение в том, что на волне празднования юбилея «будет найден некий компромисс и достигнуто некоторое примирение с тем, что касается исторических событий столетней давности» [Событиям Октябрьской...].

В юбилейный 2017 г. в историческом сообществе обозначилось стремление формирования консенсусного представления в обществе о событиях столетней давности. Председатель Российского исторического общества С. Е. Нарышкин подчеркнул, что с начала 2017 г. прошло большое количество мероприятий, реализовано много проектов, посвященных столетию революционных событий, в ходе которых осмысливались причины, итоги и значение Революции 1917 г. Он отметил, что организаторы мероприятий, которые уже прошли и которые запланированы до конца года, придерживаются позиции о необходимости очень деликатного и взвешенного отношения к анализу причин и итогов Революции 1917 г. и уважительного отношения к исторической памяти. Директор Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) А. К. Сорокин подчеркнул, что массовую аудиторию необходимо побуждать к изучению истории. По его словам, на данный момент это главная задача профессионального исторического сообщества. Он предложил поддержать идею о создании и развитии портала Российского исторического общества. «Нужна агрегирующая площадка в стране, на которой будет выложено аутентичное, адекватное историческое знание, к которому все интересующиеся могут обратиться. Это станет, извините за неполиткорректность, инструментом принуждения общественного сознания к объективному знанию, чего нам всем не хватает» [см.: Второе заседание...].

Удастся ли реализовать такой подход, и каким образом он повлияет на общественные представления о феномене Революции 1917 г., покажет, очевидно, следующий юбилей.

Андреев Д. А., Бордюгов Г. А. Процесс пошел: определились основные идеологические тенденции юбилейного года // Гефтер [Электронный ресурс]. URL : <http://gefter.ru/archive/21178> (дата обращения: 31.05 2017).

Берхин И. Б. История СССР. 1917–1978. М., 1979.

Бордюгов Г. А., а. Нельзя уменьшать значение Революции 1917 года // АИРО-XXI [Электронный ресурс]. URL : <http://www.airo-xxi.ru/home/the-news/2361-1917> (дата обращения: 18.10 2017).

Бордюгов Г. А., б. Современное российское историознание: основные черты и тенденции [Электронный ресурс]. URL : <http://www.airo-xxi.ru/gb/lekci/lekci01.htm> (дата обращения: 18.10 2017).

Второе заседание Оргкомитета, посвященное 100-летию Революции 1917 г. // Российское историческое общество [Электронный ресурс]. URL : <http://rushistory.org/proekty/100-letie-revolutsii-1917-goda/vtoroe-zasedanie-orgkomiteta-posvyashchennoe-100-letiyu-revolutsii-1917-g.html> (дата обращения: 17.10.2017).

Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны. СПб., 2016.

Данилов А. А. Осмысление места и роли революции 1917 года в истории России современной учащейся молодежи // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сб. науч. ст. (к 95-летию Февраля-Октября 1917 г.) / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М., 2012. С. 108–117.

Елисеева Н. Революция как реформаторская стратегия перестройки СССР: 1985–1991 годы [Электронный ресурс]. URL : <http://gefter.ru/archive/7823> (дата обращения: 08.09.2016).

Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / под ред. А. Миллера. М., 2012.

История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд» // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116396> (дата обращения: 27.11.2017).

1917 год: революция и современность : круглый стол // Социс. 2017. № 9. С. 22–39.

Мазур Л. Н. Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917–1936 годах // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. С. 7–29.

Медушевский А. Н. Понять Русскую революцию: идеология, институты и формы социальной мобилизации в XX веке // Социс. 2017. № 4. С. 99–102.

Миронов Б. Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // Общественные науки и современность. 2013. № 3. С. 106–115.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). СПб., 2000. Т. 1.

Нефедов С. А. Русская революция – трагическая случайность? // Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 96–106.

Неутешительные итоги социологического опроса об отношении к большевистской революции // Русская стратегия [Электронный ресурс]. URL: <http://russ-strategia.ru/news/2017-04-06-2899> (дата обращения: 30.11.2017).

Ноябрьские праздники: а что отмечаем? // Правда. Ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravda.ru/society/fashion/couture/03-11-2011/1097518-revolucion-0/#> (дата обращения: 08.09.2016).

Пантин И. К. Революция и насилие (в защиту исторического подхода к оценке Октябрьской революции) // Общественные науки и современность. 2017. № 1. С. 140–155.

Россияне пугаются в датах и личностях // Коммерсант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3409875> (дата обращения: 18.10.2017).

Русская революция и мировая история // Новая и новейшая история. 2017. № 3. С. 34–46.

Событиям Октябрьской революции 1917 года посвящен форум в Лондоне // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4591861> (дата обращения: 17.10.2017).

Сыч А. И. Октябрь 1917 года: переворот или революция? // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2008. № 1–4. С. 108–120.

Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Полит.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2010/02/03/traba/> (дата обращения: 18.10.2017).

Что принесла Октябрьская революция?.. // Левада-Центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2004/11/08/chto-prinesla-oktyabrskaya-revolutsiya/> (дата обращения: 16.09.2016).

Яковенко И. Г. Мышление революцией // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 87–96.

УДК 94(47).084.3/.084.6:378

М. А. Славко

ОЦЕНКА СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ: НА МАТЕРИАЛАХ ИГР ЖИВОГО ДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена источникам, позволяющим оценить восприятие современным обществом истории Гражданской войны в России через ролевые игры живого действия. В ней рассматриваются наиболее значимые проекты, посвященные Гражданской войне, которые были осуществлены в последние годы в рамках российского движения ролевых игр, дается анализ постигровых материалов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ролевые игры живого действия, источники, Гражданская война в России, восприятие истории.

В современном российском обществе как никогда назрел вопрос знания и понимания собственной истории не только научными кругами или в рамках школьного и вузовского обучения, но и различными социальными слоями и группами населения. Для более полного и объективного восприятия истории используются как классические методы познания, так и такие нововведения, как, например, ролевые игры живого действия.

Ролевые игры живого действия – это процесс, участники которого существуют и взаимодействуют в рамках выбранных ими ролей, руководствуясь характером персонажа, его логикой и правилами игрового пространства. Ролевые игры могут выступать как современное искусство, развлечение, хобби, быть площадкой для диалога, способом самопозна-